

ВОРОНЕЖСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

— ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ. —

19 СЕНТЯБРЯ.

№ 38

1910 ГОДА.

**Всѣда въ день памяти Угодника Божія Святителя
Тихона Задонскаго.**

*Идѣже Духъ Господень, ту
свобода (2 Кор. III, 17).*

Нашему времени достался въ удѣлъ — вопросъ самый привлекательный, но и самый опасный — вопросъ о свободѣ.

Какихъ только благъ не обѣщало себѣ человѣчество отъ разрѣшенія этого вопроса? И какихъ только золъ не видѣло!... Сколько переиспытано средствъ и сколько принесено уже жертвъ?!... И какъ мало до сихъ поръ успѣха и какъ немного и надежды на успѣхъ!...

Найдется ли такая страна, гдѣ, благодаря полученной свободѣ, всѣ люди — добры и кротки, полны взаимной любви, уважають старость, берегутъ и лелѣють молодость, гдѣ всѣ — жизнерадостны?!...

Найдется ли такой народъ, такое государство, хотя и изъ самыхъ передовыхъ, которое бы, получивъ всевозмож-

ныя свободы, теперь блаженствовало, чувствовало полнѣйшее во всемъ удовлетвореніе, жило безбѣдно-счастливо, не волнуясь и не мучась опять несбыточными здѣсь на землѣ пожеланіями и мечтаніями?!... Конечно нѣтъ!

Что мы видимъ на самомъ-то дѣлѣ? Тѣ народы, которые все принесли въ жертву свободѣ и, повидимому, какъ бы всего достигли, — чрезъ нѣкоторое время начинаютъ снова воздыхать о какой-то другой свободѣ и плачутъ надъ тѣмъ, чего достигли.

Что-же значить все это? Неужели человѣкъ на землѣ долженъ быть всегда внѣ свободы, быть связаннымъ какими-то узами, чувствовать постоянно свою зависимость?!... Или для человѣка нѣтъ свободы?..

Свобода есть, благочестивые христіане, но только не тамъ она, гдѣ ее обыкновенно ищутъ, и не въ томъ она видѣ, въ какомъ думаютъ найти ее.

Въ то время, какъ цѣлые народы ищутъ свободы и не находятъ, у насъ есть такіе святые Угодники Божіи, которые всегда наслаждались и наслаждаются истинною свободою, не искавъ ея. Это тѣ избранники Божіи, которые вѣрно исполняютъ ученіе Иисуса Христа, Сына Божія, и въ своей жизни руководятся благодатію Святаго Духа: *гдѣ Духъ Господень, тамъ и свобода.*

Въ истинномъ христіанствѣ, и только въ немъ одномъ, находится начало свободы, свободы истинной, полной, всеобщей и жизненной.

Умъ человѣческой хвалится обширностію своихъ знаній, своихъ великихъ открытій и разныхъ предназначеній въ будущемъ. И что-же? Ни одинъ изъ самыхъ ревностныхъ мечтателей о свободѣ не осмѣлится до сихъ поръ простирать эту свою свободу туда, куда простираетъ св. Евангеліе. На чемъ останавливаются наши самые видные поклонники свободы? На независимости отъ другихъ, на ра-

венствѣ правъ, на свободѣ отъ предразсудковъ и т. п. Но уничтожить узъ тѣлесныхъ недостатковъ, болѣзней, смерти, конечно, почитается ими дѣломъ совершенно невозможнымъ. Объ участи же прочихъ тварей, живущихъ вмѣстѣ съ человѣкомъ на землѣ, эти ревнители свободы даже и не думаютъ, несмотря на то, что все это (живущее съ человѣкомъ) видимо находится въ рабствѣ и вмѣстѣ съ человѣкомъ страдаетъ и въздыхаетъ объ избавленіи.

Не такъ поступаетъ Евангеліе! Оно проповѣдуетъ отпущеніе плѣннымъ, возвѣщаетъ свободу отъ всякаго зла, призываетъ вѣрующихъ къ такому состоянію, въ которомъ нѣтъ никакой печали и никакого въздыханія. Человѣкъ, по ученію Евангелія, долженъ освободиться отъ всѣхъ недостатковъ и золь, долженъ содѣлаться свѣтлымъ по душѣ, чистымъ въ сердцѣ, богоподобнымъ въ духѣ, безсмертнымъ не только по духу, но и по тѣлу. Вмѣстѣ съ человѣкомъ и вся тварь должна освободиться и войти въ блаженное состояніе чадъ Божіихъ. Такую-то вотъ свободу возвѣщаетъ всему міру Евангеліе! Общія такую свободу, Евангеліе видитъ, что для освобожденія человѣка и тварей, его окружающихъ, нужно—не переимѣна только законовъ человѣческихъ, а перевоспитаніе, какъ бы пересозданіе самаго духа и сердца человѣческаго, нужно—не новое только уложеніе законовъ, а новое небо и новая земля, и потому рѣшительно говорить, что надъ всѣмъ міромъ совершается новое великое твореніе, слѣдствіемъ котораго будетъ новое небо и новая земля. И вотъ къ этому-то славному времени человѣкъ и долженъ обращать свою надежду; а до того времени родъ человѣческій, при всѣхъ своихъ усиліяхъ, никогда не освободится отъ бѣдствій, постигшихъ его по изгнаніи изъ рая и неразлучныхъ съ пребываніемъ его на этой землѣ... Но все это не значитъ, что Евангеліе, общія свободу въ будущемъ, предоставляетъ че-

ловѣка всѣмъ скорбямъ и ужасамъ настоящаго. Нѣтъ, въ будущемъ только *полное* окончаніе обѣтованій, а все прочее—начало, продолженіе и часть окончанія въ настоящемъ. По ученію Іисуса Христа—по Евангелію—каждый человѣкъ долженъ теперь же сдѣлаться свободнымъ, но только какою свободою? Свободою внутреннею, духовно-нравственною, состоящею въ свободѣ ума и сердца, въ свободномъ избраніи добра и уклоненіи отъ зла, въ свободномъ подчиненіи своей воли волѣ Божіей. Такой свободѣ не могутъ препятствовать никакія внѣшнія обстоятельства: въ темницѣ и подъ мечомъ можно быть свободнымъ этою божественною свободою такъ же, какъ и среди величія земнаго. Одно препятствіе этой свободѣ въ человѣкѣ—это его немощь, слабость, которая такъ велика, что человѣкъ самъ собою не можетъ совершать и дѣлать всегда одно только добро. Ап. Павелъ говоритъ: *не еже бо хочу доброе, творю: но еже не хочу злое, сіе содѣваю* (Римл. VII, 19), т. е. добраго, котораго хочу, не дѣлаю, а злое, котораго не хочу, дѣлаю. Но Евангеліе совершенно восполняетъ эту немощь многими видимыми средствами и въ особенности невидимую благодатію Св. Духа, которая облакаетъ волю человѣка такою силою, которой не могутъ противостоять никакое могущество и никакой соблазнъ. Облеченные этою благодатною силою, многіе до того раскрывали въ себѣ внутреннюю духовную свободу, что, видимо, приближались и къ *той* будущей славной свободѣ и съ собою приближали все, ихъ окружающее. Такіе духовно-свободные люди еще здѣсь на землѣ вступали во всѣ права чадъ Божіихъ: они освобождались изъ подъ опеки земныхъ стихій, которыя теряли надъ ними свою силу и покорялись ихъ волѣ и слову; они воспринимали владычество надъ прочими живыми тварями, которыя въ присутствіи ихъ забывали свою лютость; возносились даже надъ тлѣніемъ собственнаго тѣла, кото-

рое, по разлученіи съ душею, остается на землѣ среди тлѣ-
нія не только неразрушимымъ, но и способнымъ къ увраче-
ванію нашихъ болѣзней и избавленію отъ разныхъ бѣд-
ствій... Доказательство этого, благочестивые христіане, предъ
нашими глазами—это св. мощи нашего дорогого и съ лю-
бовію почитаемаго Угодника Божія Святителя Тихона, кото-
рый вотъ своею духовною внутреннею свободою, своею свя-
тою жизнію и чудесами собралъ насъ нынѣшній день къ
себѣ въ этотъ святой храмъ...

И вотъ такія-то чудеса свободы христіанской проис-
ходятъ здѣсь, на землѣ, гдѣ все поражено смертностію, тлѣ-
ніемъ, гдѣ и самые праведники должны наиболѣе терпѣть
и страдать, чтобы наиболѣе очиститься и прославиться.
Что же будетъ тамъ—подъ новымъ небомъ, на новой зем-
лѣ— гдѣ будетъ жить одна правда и одна свобода?!... Въ
какомъ величественномъ видѣ обнаружится тогда слава и
блаженство всѣхъ тѣхъ, кто угодилъ Господу Богу! Среди
всеобщаго торжества освобожденной твари явится тогда вѣч-
ная свобода чадъ Божіихъ!... И какъ бы хотѣлось, чтобы
эта божественная свобода никогда не выходила изъ нашихъ
мыслей, давала бы направленіе нашимъ желаніямъ и пред-
пріятіямъ, защищала отъ всего низкаго и грѣховнаго, утѣ-
шала бы насъ среди многоразличныхъ связующихъ насъ
узъ въ этой земной жизни!...

Нисколько не удивительно, если Евангеліе, вслѣ чело-
вѣка къ такой свободѣ, не обращаетъ прямого вниманія на
свободу гражданскую: потому что гражданская свобода не
имѣетъ непосредственнаго отношенія къ свободѣ духовной.
Можно и среди связующихъ узъ быть свободнымъ духомъ,
равно какъ и среди величія быть рабомъ страстей. Исторія
христіанства представляетъ немало примѣровъ духовно-сво-
бодныхъ людей, которые отъ избытка внутренней свободы
о Христѣ отдавали себя въ узы и рабство для блага ближ-

нихъ. Такъ мало значили гражданское рабство и гражданская свобода для тѣхъ, въ которыхъ раскрывалась свобода духовная и предназначала уже раскрываться небесная...

Оставляя такимъ образомъ порядокъ гражданскій неприкосновеннымъ, истинное христіанство этимъ самымъ нисколько однако не благопріятствуетъ духу преобладанія и цорабощенія. Напротивъ вездѣ, гдѣ только усиливалось и распространялось дѣятельное христіанство, немедленно являлся и усиливался духъ истинной свободы гражданской. Кто безбоязненно говорилъ истину предъ такими жестокими людьми, какъ Тиверій и Неронъ?—Христіане. Кто за грѣхъ почиталъ присутствовать на ужасныхъ гладіаторскихъ зрѣлищахъ, гдѣ ручьями текла кровь человѣческая?—Христіане. Кто наиболѣе заботился о плѣнныхъ и выкупалъ ихъ?—Христіане. Откуда наиболѣе вышло понятій о свободѣ во всѣхъ ея видахъ?—Изъ христіанства. Какіе народы пользуются наибольшею свободою?—Христіане. И такое благотворное дѣйствіе на свободу христіанство произвело тогда, когда большая часть христіанъ были только по имени христіане. А что было бы, если бы все болѣе и болѣе усиливалось дѣятельное христіанство?—Церковь апостольская, въ которой душа и имѣнія были всеѣмъ общія, ясно отвѣчаетъ на это всякому.

Напротивъ вездѣ, гдѣ не доставало свободы христіанской, свобода гражданская, при всѣхъ усиліяхъ, или вовсе не могла явиться, или появлялась на короткое только время. Буйство страстей, свергнувъ однѣ узы, вскорѣ само на себя налагало другія новыя путы.

Вѣдь протестъ во имя свободы, пожалуй, возможенъ только тамъ, гдѣ люди дѣйствительно культурны, образованы и все нравственно развиты, гдѣ, благодаря вѣковому общественному развитію, вполне нравственныя благочестивыя привычки общества вошли бы, такъ сказать, въ плоть и

кровь большинства населенія. Тамъ же, гдѣ этого нѣтъ, гдѣ образованіе отрывочно и случайно, гдѣ потеряно чувство отвѣтственности за свою мысль, за свое слово и дѣло, понятія о свободѣ нѣтъ и быть не можетъ. Тамъ вмѣсто свободы является своеволіе, дикій и грубый произволь и подчасъ звѣрская свирѣпая жестокость.

Господь нашъ Иисусъ Христосъ для воспитанія въ насъ истинной свободы учредилъ на землѣ св. церковь, указалъ путь святой жизни, даровалъ освяительныя таинства, подалъ примѣръ поста, Самъ постившись предъ Своимъ выступленіемъ на служеніе роду человѣческому, и показалъ образецъ усердной молитвы, молитвы даже до кроваваго пота. Все это и есть единственно вѣрная школа нашего духовнаго воспитанія и образованія, совмѣщающая въ себѣ необходимое для возбужденія, развитія и укрѣпленія собственной намъ духовной жизни.

Поэтому коль скоро будутъ вамъ предлагать новые способы къ улучшенію какъ вашей лично-семейной, такъ и общественно-государственной жизни, то испытывайте это по такому правилу: если вы отъ этого способа можете ощутить въ себѣ охлажденіе къ вѣрѣ и отчужденіе отъ Церкви, то знайте, что въ томъ дѣйствуетъ не благодѣтельный духъ, а пагубное обольщеніе.

Изъ всего сказаннаго, благочестивые христіане, слѣдуетъ, что всѣ мы должны прежде всего и болѣе всего стараться о возстановленіи внутри себя свободы духовной, которая даруется намъ единственно только однимъ дѣйтельнымъ христіанствомъ, а безъ этого мы останемся вѣчными рабами, рабами нашихъ страстей, рабами грѣха и бѣдствій и притомъ несмотря на всѣ усилія о распространеніи среди насъ свободы гражданской.

Итакъ одно можно сказать твердо и рѣшительно: для благосостоянія и улучшенія жизни общественной необходи-

мо, чтобы общество крѣпко держалось ученія Иисуса Христа, чтобы въ основу всякаго развитія полагаемы были начала Евангельскія. Стремленіе къ прогрессу, къ совершенству, которымъ хвалится настоящій вѣкъ, конечно, есть стремленіе самое законное, такъ какъ человѣкъ существо совершенствующееся: онъ чувствуетъ свои недостатки и хочетъ быть лучше. Это стремленіе признано Самимъ Господомъ Спасителемъ, который сказалъ: *будите убо вы совершенни, якоже Отецъ вашъ Небесный совершенъ есть* (Мате. V, 48).

Но несчастенъ человѣкъ, когда это стремленіе не подчинено закону, не опирается на твердой законной почвѣ, не имѣетъ въ виду ясной истинной цѣли. Тогда это желаніе лучшаго становится страшною силою, которая можетъ увлечь каждаго въ самую бездну зла. Въ Христовой вѣрѣ нѣтъ истинной свободы, истиннаго знанія, нѣтъ свѣта жизни, а есть только мракъ, беспорядокъ, скорбь и смерть. Въ настоящее время больше всего стали бояться застоя, неподвижности. Но истина христіанская дана людямъ на всѣ вѣка: она никогда не перестанетъ быть истинною, а потому и человѣчество никогда не перерастетъ ея. Христіанство не есть что-либо мертвое, не есть такое собраніе истинъ, которыя можно было бы разомъ усвоить себѣ такъ, чтобы послѣ этого ничего не оставалось и дѣлать человѣку. Нѣтъ, христіанство, ученіе Христово, вѣра Христова—есть живая сила, которая, бывъ принята человѣкомъ въ душу, даетъ законное направленіе всѣмъ его способностямъ и болѣе, болѣе возмъшаетъ его.

Иисусъ Христосъ, и только Онъ Одинъ, есть начало и конецъ всякой свободы, порядка, красоты, величія, добра, силы, истины, любви. А поэтому, благочестивые христіане, будемъ чаще прибѣгать ко Господу Иисусу Христу, будемъ имѣть твердую вѣру въ Него и жить по вѣрѣ... Вотъ свя-

титель нашъ, Угодникъ Божій Тихонъ, отъ юности возлюбивъ Христа, пребывалъ всю жизнь свою въ твердой вѣрѣ въ Него и жилъ по этой вѣрѣ и въ своей благочестивой жизни былъ по-истинѣ „свободнымъ“ христіаниномъ, такъ какъ не былъ рабомъ страстей—грѣховъ, и ничто земное не связывало его и не могло препятствовать ему въ его самоотверженной для блага ближнихъ добродѣтельной жизни.

Будемъ и мы въ своей жизни слѣдовать за святителемъ нашимъ Тихономъ. Будемъ всѣ подражать его „свободно—независимой“ самоотверженной христіанской жизни и не будемъ прельщаться никакими соблазнами міра сего. Да будемъ всѣ мы „свободными“ служителями истиннаго Бога!

И повѣрьте, оживеть тогда человѣчество, загорится новая жизнь, небо ближе станетъ къ землѣ, и люди будутъ больше и чаще ощущать присутствіе Божіе въ сердцахъ своихъ (Іоан. XIV, 2—23).

Смолкнуть тогда стоны человѣчества, прекратятся слезы бѣдствующихъ, и будетъ тогда водворяться рай среди людей, живущихъ еще здѣсь, на землѣ.

Итакъ, кто хочетъ послѣдовать за Святителемъ, тотъ да спѣшитъ: ибо блаженъ путь сей.

А сейчасъ, въ день столь торжественнаго праздника въ честь Угодника нашего, всѣ мы, сошедшіеся въ эту святую обитель съ разныхъ мѣстъ нашей дорогой родины, вознесемъ свои усердныя молитвы ко святителю Тихону, да своимъ предстательствомъ у Престола Божія упробитъ Господа Бога, чтобы Онъ, Вселюбашій Отецъ нашъ, озарилъ всѣхъ насъ свѣтомъ закона Евангельскаго, възгрѣлъ бы сердца наша теплотою благодати Своей и утвердилъ бы волю нашу въ волѣ Своей святой. Аминь.

Священникъ *Стефанъ Пчелинцевъ*.

Культурное и нравственное значеніе дѣятельности выдающихся представителей славянофильской школы въ исторіи русскаго общественнаго развитія ¹⁾).

(Къ 50-ти лѣтнему юбилею со дня кончины А. С. Хомякова—1860-1910—23-го сентября и К. С. Аксакова—1860-1910—7-го декабря).

Существенный недостатокъ Западно-Европейскаго просвѣщенія славянофилы указывали въ рационализмѣ. Подъ послѣднимъ нужно разумѣть одностороннее разсудочное познаніе истины, отрѣшенное отъ живой, непосредственной связи его съ другими силами духа. Все, что навболѣе говорятъ чувству и въ чемъ душа находитъ наибольшее удовлетвореніе глубочайшимъ потребностямъ своимъ,—все это не можетъ уложиться въ форму разсудочной мысли. Послѣдняя есть способность анализирующая, а потому ей доступно только то, что подлежитъ расчлененію. Благодаря исключительному развитію своего отвлеченнаго разума, западный человѣкъ утратилъ вѣру во всѣ высшія истины ума, въ его существенныя убѣжденія и нравственные запросы. Такая односторонность въ просвѣщеніи несомнѣнно должна была отразиться и въ области религіознаго знанія. А. С. Хомяковъ европейское просвѣщеніе прямо называлъ „матеріальнымъ“ ²⁾).

Съ точки зрѣнія послѣдняго человѣкъ есть высшее животное, но у славянофиловъ человѣкъ, принадлежа своею физическою стороною вещественному міру, возвышается надъ нимъ своею духовною стороною, въ которой и заключается истинный смыслъ и цѣль его бытія. Вотъ почему славянофилы искали такой культуры, которая задачею своею ста-

¹⁾ Окончаніе. См. № 37.

²⁾ А. Хомяковъ, т. I, изд. 1900, М., стр. 147.

вила бы всестороннее развитіе силъ духа и указывала бы на идеаль, удовлетворяющій высшимъ потребностямъ человѣка, какъ существа разумно-нравственнаго. На Западѣ славянофилы не могли найти такого идеала, такъ какъ европейская жизнь оставила Россіи „внутреннюю скудость скептическаго анализа и холодъ сердца, много надѣявшагося и обманутаго въ своихъ надеждахъ“ ¹⁾.

„Русскій любитъ горячо

Семью, отчизну и Царя;

Но болѣе, но пламеннѣе, сильнѣе любитъ онъ

Залогъ другой и лучшей жизни—вѣру“ ²⁾.

Вотъ нравственное начало и тотъ идеаль, который наиболѣе дорогъ русскому народу и который для него выше всего на свѣтѣ; онъ обусловливалъ изстари, обусловливаетъ и понынѣ всю нравственную жизнь русскаго народа, всю его многострадальную тысячелѣтнюю исторію ³⁾. Грудно выразить все безкопечно-благотворное вліаніе православной вѣры на жизнь русскаго народа. Подъ знаменемъ вѣры русскій народъ выступалъ на борьбу со своими врагами, подъ ея воздѣйствіемъ совершалось объединеніе земли. Она спасала русскаго человѣка отъ отчаянія въ тяжкія минуты его жизни и давала нравственный идеаль, который не позволялъ человѣку окончательно овеществиться. Отсюда православіе является основаніемъ, на которомъ должно быть воздвигнуто прочное зданіе просвѣщенія Россіи. „Долгъ всякаго русскаго человѣка, ясно понимающаго великое призваніе своей родины,—изучать памятники общественной и государственной жизни въ прошедшемъ, горячо любить слѣды ихъ въ настоящемъ и помнить, что это дѣло цѣлой внутренней жизни, невозможное безъ постояннаго стремленія къ

¹⁾ А. С. Хомяковъ, т. I, изд. 1900, М. стр. 43.

²⁾ Его-же сочин. т. IV, изд. 1900 г.—М стр. 16.

³⁾ Его-же сочин. т. III, изд. 1871, М. стр. 8.

нравственному самоулучшенію¹⁾. Свобода человѣческаго духа въ области вѣры и знанія есть, по мнѣнію славянофиловъ, непремѣнное условіе для успѣшнаго развитія истиннаго просвѣщенія въ Россіи²⁾.

Религіозная вѣра въ той положительной формѣ, какую она принимаетъ у того или другого народа, сообщаетъ извѣстное направленіе и характеръ философскому мышленію³⁾. Въ основѣ всѣхъ наукъ должна лежать философія, которая вдохнула бы въ нихъ должное направленіе⁴⁾. Для этого нужна такая философія, которая по своей задачѣ, методу и источникамъ существенно отличалась бы отъ западно-европейской. И славянофилы были убѣждены, что такую философію, которая бы претендовала на рѣшеніе всѣхъ важнѣйшихъ для человѣчества вопросовъ, могутъ создать только русскіе.

Такая національно-русская философія будетъ соответствовать особенностямъ духовнаго склада и условіямъ жизни русскаго народа, всецѣло основываясь на православіи, которое русскій народъ воспринялъ, такъ сказать, въ плоть и кровь⁵⁾. Задача самобытной русской философіи будетъ со-

¹⁾ Соч. А. Хомякова, т. 1, стр. 257—8.

²⁾ Такая широта взгляда служить лучшимъ доказательствомъ несправедливости обвиненій, посылавшихся на голову славянофиловъ отъ представителей западной партіи. Враги славянофильства не хотѣли подняться на высоту славянофильскаго пониманія вещей, гдѣ всякая узкая односторонность исчезаетъ и всякая вещь получаетъ свое мѣсто. Здѣсь причина того, почему ошибки славянофиловъ, которыхъ никто не скрываетъ, всегда утрировались и представлялись въ гиперболическомъ видѣ. Въ этомъ отношеніи особенно много грѣха взялъ на свою душу В. Гр. Бѣлинскій, который, несмотря на свой громадный талантъ и высокое благородство души, мало способенъ былъ къ холодному, спокойному, безпристрастному отношенію къ своимъ противникамъ; его страстные порывистыя нападки перѣдко носили на себѣ слѣды пристрастія, односторонности, отсутствія объективизма. См. его сочин. ч. VI, изд. 4-е, стр. 67; ч. VIII, изд. 5-е, стр. 39; ч. IX, изд. 4-е, стр. 276—292.

³⁾ И. В. Кирѣевскій, т. II, стр. 306.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 233.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 241, 261; ср. А. Хомяк. т. III, изд. 1900, Ш., стр. 335—6.

стоять въ соглашеніи разума съ вѣрою; это значитъ, что философія будетъ проводникомъ между жизнію и вѣрою, между наукою и вѣрою ¹⁾). Такая задача истинно русской философіи намѣчаетъ частныя особенности ея, которыя отличаютъ ее отъ философіи западно-европейской. Последняя считала разумъ единственнымъ орудіемъ познанія, принимая частныя его законы за законы всецѣлаго разума. Неудивительно поэтому, если въ области философскаго знанія рационализмъ достигъ на Западѣ наибольшаго развитія. Система Гегеля была окончательнымъ довершеніемъ философскаго міровоззрѣнія германской школы и вмѣстѣ конечнымъ предѣломъ развитія отвлеченно-разсудочнаго познанія. Философіи его послѣдователей, положившая въ основаніе всего сущаго одно голое понятіе, мысль, оказалась въ сильномъ противорѣчій съ здравымъ человѣческимъ смысломъ и съ требованіями цѣльной человѣческой природы ²⁾). Несостоятельность гегельянства въ дѣлѣ постиженія истины въ ея возможной полнотѣ и живой дѣйствительности становилась, такимъ образомъ, очевидною. Вотъ почему Шеллингъ — другой изъ видныхъ представителей германской рациональной философіи — призналъ необходимость живой вѣры, какъ существенной стихіи познанаія. А уже за нимъ почти всѣ европейцы сознаютъ односторонность рациональнаго просвѣщенія, испытывая въ своей душѣ чувство нравственной неудовлетворенности и недовольства ³⁾). Являлась необходимость устранить изъ русской философіи германскій рационализмъ, который вносилъ въ русскую жизнь болѣзненное противорѣчіе между умомъ и вѣрою, и искать другого способа познанія. Нашъ разумъ при изслѣдованіи откровенныхъ истинъ долженъ твердо держаться установленныхъ границъ

¹⁾ Ив. В. Кирѣевскій, т. II, стр. 313, 306.

²⁾ А. С. Хомяковъ, т. I, изд. 1900 г., стр. 302.

³⁾ Кирѣевскій, т. II, стр. 231, 321—324, 331.

между Божественнымъ откровеніемъ и ограниченнымъ человѣческимъ умомъ.

Для разумнаго пониманія истинной и живой дѣйствительности необходимъ „цѣльный разумъ“, т. е. согласіе всѣхъ силъ человѣческаго духа. „Истина, говоритъ Самаринъ, полная и высшая дается не одной способности логическаго умозаключенія, но уму, чувству и волѣ вмѣстѣ, т. е. духу въ его живой цѣльности“¹⁾. Такой вновь выдвигаемый способъ изслѣдованія доставляетъ уму рядъ положеній, которыя имѣютъ для него непререкаемое значеніе и стоятъ выше всякаго анализа и сомнѣнія. Но этотъ новый методъ познанія истины предполагаетъ не столько умственное развитіе въ человѣкѣ, сколько, главнымъ образомъ, нравственную чистоту его жизни. Только при этомъ послѣднемъ условіи возможно душевное равновѣсіе въ человѣкѣ, когда всѣ силы его существа дѣйствуютъ въ согласіи. Таково главное преимущество новаго гносеологическаго принципа.

Истинами, непосредственно чувствуемыми, ощущаемыми человѣкомъ и потому не требующими доказательствъ, являются: бытіе нашего я, существованіе человѣческой воли и сознаніе личной свободы, какъ способности самоопредѣленія, на которой держится вся наша нравственная дѣятельность.

Всѣ эти истины сводятся къ одной общей, главной и основной—признанія бытія Божія²⁾. Бытіе Божіе есть таковой непреложный фактъ нашей индивидуальной жизни, который и не нуждается ни въ какихъ доказательствахъ.

Всѣ неопровержимыя данныя религіозной вѣры должны быть положены и въ основу нравственности³⁾. Всемогущее

¹⁾ Ю. О. Самар., т. VI, стр. 561, 350; ср. т. I, стр. 110; ср. Ив. Кирѣевск., т. II, стр. 310.

²⁾ У Кирѣевскаго, т. II, стр. 336.

³⁾ У Самар., т. VI, стр. 419, 434, 446—447, 519.

Существо, создавая человѣка, доводитъ его до сознанія нравственнаго призванія и личнаго долга; Оно и всѣ внѣшнія обстоятельства человѣческой жизни приводитъ въ соотвѣтствіе съ его внутреннимъ призваніемъ. При такомъ условіи человѣческая жизнь изъ безсмысленной борьбы свободной воли съ независимыми отъ нея обстоятельствами превращается въ разумное цѣлое ¹⁾. Только при такомъ соотвѣтствіи получаетъ смыслъ и конечный моментъ человѣческой жизни—загробный судъ, предчувствіе котораго составляетъ главный интересъ земной жизни ²⁾. Но вѣра въ человѣкѣ, взятомъ отдѣльно, какъ индивидуумѣ; непременно субъективна и потому всегда доступна сомнѣнію и колебаніямъ. Чтобы возвыситься надъ такимъ заблужденіемъ и взойти на степень положительнаго знанія, вѣрѣ необходимо возвыситься надъ собою и найти для себя точку опоры въ мірѣ святыхъ реальностей, т. е. въ Божественномъ Откровеніи и Церкви ³⁾. Первое уясняетъ религіозное сознаніе и сообщаетъ ему опредѣленное содержаніе; вторая предохраняетъ склонный къ заблужденію человѣческой разумъ отъ ложнаго толкованія Откровенія.

Но оба вмѣстѣ возвышаютъ вѣру изъ субъективной неопредѣленности на степень живого разумнаго убѣжденія.

Такимъ образомъ, только исходя изъ вѣры и при ея свѣтѣ, философское мышленіе можетъ постигать разумную сущность, бытія. Эти истины православно-христіанской Церкви ⁴⁾ были основаніемъ философіи святыхъ отцовъ. Поэтому святоотеческая философія должна послужить для русской „живительнымъ зародышемъ и свѣтлымъ указателемъ пути“. Русская философія должна вполнѣ удовлетворить со-

¹⁾ Тамъ же, т. VI, стр. 410—411, 507.

²⁾ Тамъ же, стр. 411—437.

³⁾ Тамъ же, стр. 403, 415, 442, 515.

⁴⁾ А. Хомяк., т. I, стр. 317; ср. Ив. Кирѣевск., т. II, стр. 290, 330, 333.

временнаго человѣка и дать отвѣты на многіе запросы, выступившіе въ настоящее время и требующіе разрѣшенія. Между тѣмъ какъ возстановитъ свято-отеческую философію на русской почвѣ невозможно, такъ какъ условія жизни святыхъ отцовъ не могли способствовать всестороннему развитію философской мысли. Да и достигнуть полной духовной самособранности, необходимой, по понятію славянофиловъ, для выспаго разумѣнія истины, едвали возможно для человѣка, въ настоящемъ его состояніи, среди житейскихъ заботъ, развлеченій и борьбы. Вотъ почему содержаніемъ русской философіи должны служить непремѣнно нѣкоторыя положенія, заимствованныя изъ западной философіи. И наша философія будетъ представлять изъ себя „примирительное мышленіе“, развитіе котораго должно состоять „въ сознаніи всей западной образованности и въ подчиненіи ея выводамъ господствующему духу православно-христіанскаго любуудрія“. Такой національно-русскій отбънокъ можетъ придать философіи также „древне-русская самобытная образованность, которая хранится въ нравахъ, обычаяхъ и внутреннемъ складѣ ума такъ называемаго простаго народа“¹⁾.

Славянофилы, такимъ образомъ, приписывали философіи весьма важное значеніе, полагая, что она должна обнимать всѣ науки, разрѣшать всѣ вопросы, придать всему просвѣщенію желательный характеръ и руководить всею человѣческой дѣятельностью²⁾). Понимаемая въ этомъ обширномъ смыслѣ, философія не можетъ быть принадлежностью только нѣкоторыхъ избранныхъ умовъ. Она должна быть общечеловѣческимъ достояніемъ, въ ней можетъ и обязанъ упражняться всякій мыслящій человѣкъ,—всякій, для кого дорого его человѣческое достоинство, и кто желаетъ быть

¹⁾ Ив. Кирѣевскій, т. II, стр. 327—8.

²⁾ Тамъ же, стр. 313, 334.

человѣкомъ въ истинномъ значеніи этого слова. Всѣ эти общія философскія положенія первыхъ славянофиловъ имѣютъ цѣнное значеніе, такъ какъ послѣдующіе выдающіеся защитники славянофильства основывались на нихъ, когда стремились обстоятельнѣе опредѣлить положительную сторону русской философіи и раскрыть ея детали ¹⁾.

Съ точки зрѣнія славянофиловъ исторіею управляють нравственные законы, и религія всегда является основою духовной жизни народовъ ²⁾. Христіанинъ, соприкасаясь съ окружающей средой, вынужденъ считаться съ тѣми или другими чуждыми ему началами жизни, къ которымъ онъ и долженъ опредѣлить свое отношеніе. Создавая культурно-историческій центръ для своего единства, русскій народъ въ тоже время вырабатывалъ и идею „верховнаго правителя“.

Въ послѣднемъ онъ видѣлъ, съ одной стороны, представителя внѣшней власти, съ другой—выразителя внутренней правды. Власть царя покоилась не на внѣшней законности, основанной на формальномъ договорѣ, а на силѣ довѣрія и любви народа, т. е. на началѣ чисто нравственномъ ³⁾.

Народная любовь къ царю не имѣла границъ, такъ какъ глубоко вѣрили, что истинная христіанская любовь живетъ только въ царскомъ дворцѣ. Во имя этой „правды и любви христіанской шли къ царямъ русскіе люди, принося къ нимъ стонъ народа и голосъ праведнаго обличенія“ ⁴⁾. Государи понимали и цѣнили эту любовь и это довѣріе къ

¹⁾ См. напр. у В. Н. Карпова: «Введеніе въ философію». Сиб. 1840 г., стр. 114—117 и у А. И. Введенскаго «О задачахъ современной философіи». Вопр. философ. и психолог. Ки. XX, стр. 55, а также его: «Западная дѣйствительность и русскіе идеалы». Богослов Вѣсти. 1893 г., № 12, стр. 521—555.

²⁾ А. Хомяк., т. II, изд. 1880 г., М. стр. 99; т. III, стр. 17, 127—30. И. Аксак., т. I, 96—97.

³⁾ А. Хомяковъ, т. I., М. изд. 1861 г., стр. 53, 379.

⁴⁾ У него-же, т. III, изд. 1900. М. стр. 31.

себѣ народа и платили ему тѣмъ же. Возможность такого единодушiя объясняется условiями тогдашняго быта.

Древняя Русь стремилась къ единенiю областей. Идея эта вполне была понята и по достоинству оцѣнена представителями Церкви, которые и взяли ее подъ свое покровительство. Такимъ образомъ, важное значенiе Церкви въ дѣлѣ внутренняго устроенiя государства не подлежитъ сомнѣнiю ¹⁾. Церковь благословляетъ идею власти, но не беретъ на себя смѣлости опредѣлять формы ея, предоставляя это свободѣ народовъ ²⁾. Управляя личнымъ убѣжденiемъ людей, Церковь никогда не имѣла притязанiя насильственно управлять ихъ волею или прiобрѣтать себѣ власть свѣтски правительственную ³⁾. Для такого управленiя она должна-бы отдѣлиться отъ людей, т. е. отъ своихъ членовъ. Но такое отдѣленiе Церкви отъ человѣчества понятно при юридическомъ рационализмѣ западныхъ опредѣленiй и совершенно невозможно при живой цѣльности православiя. Въ церкви ученiе не отдѣляется отъ жизни: ученiе живетъ, а жизнь учитъ ⁴⁾.

Иное отношенiе Церкви къ обществу и государству возможно было-бы лишь подъ тѣмъ условiемъ если бы церковь превратилась во внѣшнее учрежденiе. Но она не есть что-либо внѣшнее для людей: она есть внутренняя жизнь людей и, по мѣткому выраженiю Кирѣевского, такъ управляетъ „общественнымъ составомъ, какъ духъ управляетъ составомъ тѣлеснымъ“. На западѣ папа, управляя клерикальною партiею, составляетъ крупную политическую силу, съ которой должны считаться правительства. Въ православной церкви, при указанномъ понятiи о ней, ничего подобнаго и представить себѣ нельзя.

¹⁾ У него-же, т. I, изд. 1861 г., М., стр. 236—37.

²⁾ Кирѣевск., соч. т. II, стр. 262.

³⁾ Кирѣевск., соч. т. II, стр. 262.

⁴⁾ А. С. Хомяк., т. I, изд. 1861, стр. 238.

Здѣсь, въ дѣлахъ вѣры, всѣ, начиная отъ Государя и оканчивая послѣднимъ его подданнымъ, обязаны безпрекословно подчиняться постановленіямъ всей Церкви, т. е. такимъ постановленіямъ, обязательность которыхъ единогласно признана всѣми членами церкви; въ дѣлахъ мірскихъ, наоборотъ, всѣ обязаны подчиняться верховной государственной власти и ея представителямъ. Ограничивая объемъ государственной власти одною только внѣшнею стороною общественныхъ отношеній ¹⁾, Церковь всегда оставалась внѣ государства, какъ недосягаемый, свѣтлый идеаль. „Какъ бы ни было совершенно человѣческое общество и его гражданское устройство, оно не выходитъ изъ области случайности исторической и человѣческаго несовершенства; оно само совершенствуется или падаетъ, во всякое время оставаясь далеко ниже недосягаемой высоты неизмѣнной и богоправимой Церкви“ ²⁾. Связь человѣка съ обществомъ такъ велика и въ матеріальномъ и нравственномъ отношеніяхъ, что обществу чрезъ посредство государственной власти принадлежитъ законное право нормировать не только внѣшнюю, но и внутреннюю дѣятельность своего члена и подданнаго ³⁾. Такимъ образомъ, христіанинъ своею высшею индивидуальною стороною всецѣло обязанъ Церкви и, порвавъ всякую зависимость отъ государства, остается связаннымъ съ нимъ только внѣшне (кесарево Кесарю, а Божіе Богу). Потребность вмѣшательства государственной власти во внутренній бытъ христіанъ, по слову апостола, свидѣтельствуетъ о ненормальности въ жизни членовъ церкви (1 Кор. VI, 7). Но разъ уже это вмѣшательство оказывается неизбѣжнымъ, то оно въ христіанскомъ государствѣ должно быть запечатлѣно хри-

¹⁾ И. С. Аксаковъ, т. II, стр. 238, 508, 512.

²⁾ А. Хомяк., т. I, изд. 1861, М., стр. 239.

³⁾ Тамъ же, т. IV, изд. 1873 г., М., стр. 487, 710, 720; Самар. т. V, стр. 171.

обречены на мертвенность и бесплодность. Отсюда-то жалкое положеніе, въ какое понадаетъ человѣкъ, оторвавшійся отъ организма своего народа ¹⁾. Напротивъ, сколько благъ, и именно общечеловѣческихъ, вносить въ общую сокровищницу народъ, который развивается въ своей родной средѣ и прислушивается къ біенію своего сердца! Всѣ жизненные силы русскаго народа сконцентрированы вокругъ одного коренного стремленія—сохранить въ цѣлости и неповрежденности внутренней міръ своей души, сберечь, спасти свою душу. „Мы русскіе, говоритъ профессоръ Н. Гротъ, если судить по прежней исторіи нашего самосознанія, по видимому, склонны давать въ своемъ міровоззрѣніи перевѣсъ элементу религіозно—этическому... Славянофилы проповѣдывали философію вѣры... И нашему народному міросозерцанію суждено выдвинуть на первый планъ нравственные интересы жизни“ ²⁾. „Вѣра, говоритъ И. С. Аксаковъ, выше народности: она даетъ ей суть“. Лучшая, можно сказать, самая высшая, идеальная сторона народной личности заключена въ религіи, въ которой данъ ключъ къ разгадкѣ всѣхъ изгибовъ міросозерцанія человѣка. Ничѣмъ не дорожить такъ народъ, какъ своею вѣрою и тѣмъ, что связано съ нею и ею освящено. Религія, так. образ., является хранилищемъ и выразительницею народнаго духа и характера. Отсюда служеніе интересамъ всего человѣчества и истинный прогрессъ послѣдняго въ принципѣ народности находятъ свой корень и осуществленіе. Принципъ этотъ не можетъ противорѣчить тѣмъ вѣчнымъ идеаламъ жизни, которые даны человѣку въ божественномъ словѣ Евангелія. Основная заповѣдь христіанства о любви къ людямъ не только не нарушается и даже не ослабляется началомъ народности, а напротивъ даже находитъ въ немъ прямой и

¹⁾ К. С. Аксаковъ «О воспитаніи». День 1863 г. № 1.

²⁾ Вопр. философ. и психолог. 1899 г., кн. 1, стр. 18-я.

естественный путь къ своему осуществленію. Только истинный сынъ своего народа, носящій въ собственной груди искру жизни своей отчизны и любви къ ней, способенъ возвыситься до уваженія и любви ко всему человѣчеству ¹⁾.

Такая постановка вопроса о народности дала славянофиламъ исходную точку для всей ихъ соціологической теоріи. Общинный строй, предполагающій свободное развитіе личности, вытекалъ изъ коренныхъ свойствъ славянской природы и составлялъ характерную особенность древней русской жизни. „Нашъ корень и основа—Кремль, Кіевъ, Саровская пустыня, народный бытъ съ его пѣснями и обрядами, и по преимуществу община сельская“ ²⁾. Русское общество не знало разграниченія сословій; развиваясь самобытно и естественно, подъ вліяніемъ одного внутренняго убѣжденія, воспитаннаго Церковью, всѣ классы и виды населенія были проникнуты однимъ духомъ, одними убѣжденіями, однородными понятіями, одинаковою потребностью общаго блага. Вотъ почему славянофилы и выдвинули на первый планъ сельскую общину, которая и была для нихъ дороже всего своимъ нравственно-воспитательнымъ значеніемъ въ смыслѣ подавленія эгоизма личности и развитія въ человѣкѣ духа христіанскаго альтруизма ³⁾. Истинный смыслъ историческаго прогресса заключается въ свободномъ, широкомъ и всестороннемъ развитіи личности; но въ самомъ процессѣ развитія славянофилы не предоставляли эту личность ея полному произволу, а требовали подчиненія ея нравственному закону любви ⁴⁾. Личность по природѣ своей эгоистична. Любовь же есть начало альтруистическое и, какъ таковая,

¹⁾ См. у К. С. Аксакова «О воспитаніи». День, 1863 г. № 1.

²⁾ Цит. заимствов.: у В. Лясковскаго «А. С. Хомяк. Его жизнь и сочиненія». М. 1897 г., стр. 59.

³⁾ Русская Бесѣда, 1860, II, стр. 56—57.

⁴⁾ К. С. Аксаковъ, соч. т. I, стр. 291.

для своего проявленія нуждается въ общеніи. Безконечное дробленіе собственности создаетъ между людьми полную разъединенность, влекущую за собою оскудѣніе нравственныхъ началъ, неразлучно связанное съ оскудѣніемъ силъ умственныхъ.

И это понятно. „Слышать о дѣлѣ общемъ и потомъ въ немъ участвовать, слышать съ дѣтства судъ и расправу, видѣть, какъ эгоизмъ человѣка становится безпрестанно лицомъ къ лицу съ нравственною мыслью объ общемъ, о совѣсти, законѣ обычномъ, вѣрѣ, это—истинно нравственное воспитаніе, это - просвѣщеніе въ широкомъ смыслѣ, это - развитіе не только нравственности, но и ума“ 1).

Съ признаніемъ общинъ утверждается право всѣхъ на собственность поземельную и право cadaго на владѣніе, а также нравственная связь между людьми и облагораживающее душу воспитаніе людей въ смыслѣ общественномъ посредствомъ постоянного упражненія въ судѣ и администраціи мірской, при полной гласности и правахъ совѣсти. При отрицаніи общины всему этому предпочитается—нарушеніе всѣхъ обычаевъ и чувствъ народныхъ, сосредоточеніе собственности въ сравнительно немногихъ рукахъ и пролетаріатъ или, по крайней мѣрѣ, наемничество всѣхъ остальныхъ, безсвязность народа и отсутствіе всякаго общественнаго воспитанія 2). Въ противоположность Западу, гдѣ личность разви-лась до крайностей индивидуализма на формально—юридической основѣ,—въ славяно русскомъ мірѣ личность разви-лась въ такой степени, что вполне могла сознать свое нравственное достоинство. Только это условіе понуждало людей соединяться въ общины на основѣ взаимнаго довѣрія, которое не нуждалось въ формальномъ договорѣ. И такая связь людей въ славяно-русской общинѣ не исключала не-

1) Чит. у А. Хомякова, т. I, изд. 1900, М. стр. 188

2) У А. Хомякова, т. III, изд. 1900, М. стр. 290.

преимущественно связи родственной, основанной на узахъ крови, а равно и связи практической, основанной на пользованіи общимъ достояніемъ, наприм., землею. Этого-то общинный духъ, по мнѣнію представителей славянофильской теоріи, и составлялъ положительное начало нашей исторической жизни. Это начало не только не разлагалось личностью, но, освященное христіанствомъ въ духѣ восточнаго православія, росло и развивалось, мѣняя въ своемъ историческомъ движеніи лишь форму, а не содержаніе ¹⁾).

Такимъ образомъ, славянофилы считали православіе и совокупность всѣхъ силъ народной жизни главнѣйшими началами славянской національности и указывали на сохраненіе ихъ, какъ на необходимое условіе для развитія благосостоянія и могущества Россіи. Въ призывахъ къ устройству жизни по самобытнымъ русскимъ началамъ сказывалась любовь славянофиловъ къ своему отечеству и забота о его независимости и самобытности въ религіозномъ и культурномъ отношеніяхъ. Славянофилы искренно желали, чтобы Россія, какъ самая могущественная представительница славянства, помогла прочимъ славянамъ освободиться отъ гнета иноплеменнаго и начать самостоятельную политическую жизнь ²⁾. Этимъ они оказали великую услугу дѣлу общественнаго развитія въ нашемъ отечествѣ; они внесли въ жизнь русскаго общества элементъ сознательнаго пониманія историческихъ и общественныхъ отношеній, который въ прежнія времена былъ какъ бы только инстинктивнымъ чувствомъ у лучшихъ людей. Сильные своимъ просвѣщеніемъ и цѣльные духомъ, неподкупно честные и искренніе какъ на словахъ, такъ и на дѣлахъ, съ незаблемою стойкостью

¹⁾ Ю. Самар., т. I, стр. 52; ср. К. Аксак., т. I, 150, 276

²⁾ См. Данилевскій. «Россія и Европа», стр. 311, 314. Нужно замѣтить, что первые основатели славянофильства вовсе не занимались политическими вопросами, желая только чтобы содержаніе русской жизни было православнымъ, а формы ея русскими. Чит. у Хомякова, т. II, стр. 192, 193, 357, 413; Самар., т. VI, стр. 240; И. Аксаковъ, т. II, стр. 805.

нравственныхъ основъ и во всеоружіи пранославныхъ христіанскихъ убѣжденій, славянофилы служили живымъ воплощеніемъ и охраною коренного славяно-русскаго духа, нравственно-народной силы и историческаго характера Россіи. Примѣромъ своей самоотверженной и безкорыстной дѣятельности они возбуждали въ обществѣ стойкость въ патріотическихъ убѣжденіяхъ и уваженіе къ религіозно-нравственнымъ и общественнымъ основамъ русской жизни. Въмѣстѣ съ тѣмъ они пробуждали критическое отношеніе къ усилѣхамъ западной цивилизаци, давая возможность понять свой нравственный долгъ къ народу и обществу и установить опредѣленные идеалы для руководства въ жизни и дѣятельности. Благородство духовной природы славянофиловъ, безукоризненно честный высокій строй ихъ религіозно-нравственныхъ и патріотическихъ взглядовъ, чуждыхъ и тѣни какаго-либо лукавства, заставляли всѣхъ сталкивающихся съ ними, невольно, такъ сказать, выпрямляться душою. Не даромъ самые крайніе противники ихъ убѣжденій — и тѣ не могли отказать имъ въ уваженіи. Даже Грановскій, напр., при всей рѣзкости его противоположныхъ славянофильству воззрѣній, такъ отозвался о нихъ. „Я отъ всей души уважаю этихъ людей; въ нихъ такъ много святости, вѣры, какъ я еще не видалъ ни въ комъ“ ¹⁾. Впрочемъ, о славянофильствѣ нельзя говорить только въ прошедшемъ времени: оно не есть уже отжитый и сданный въ архивъ исторіи моментъ историческій, оно пребываетъ и всегда должно пребывать въ исторіи нашего нравственнаго прогресса, какъ вѣчно дѣятельный и неумолкающій заирось, какъ всегдашній нашъ указатель и двигатель.

Ив. Козловъ.

1) «Заря» 1869 г., кн. 7-я, нѣз ст. Ор. Миллера.

Миссіонерскіе курсы и публичныя бесѣды съ сектантами въ селѣ Пескахъ, Новохоперскаго уѣзда.

Село Пески вполне можетъ считаться однимъ изъ самыхъ давнихъ и самыхъ сильнѣйшихъ сектантскихъ пунктовъ не только Воронежской губерніи, но даже и смежныхъ съ ней—Тамбовской, Саратовской и области Войска Донскаго. Занимая географически окраину, соприкасающуюся съ границами названныхъ губерній, оно за цѣлый столѣтній періодъ фигурируетъ въ качествѣ постоянного этапа на тракты, чрезъ который, по счастливому почину Семена Матвѣевича Уклеина, постоянно слѣдовали и слѣдуютъ всѣ сектантскіе вожаки всѣхъ толковъ—знаменитости до Мазаева и Фетлера включительно. Сектантскія молитвенныя зданія постоянно открыты для публичныхъ рѣчей этихъ ораторовъ и для публики. При населеніи въ 14,000 душъ (обою пола) сектантовъ разныхъ толковъ (молоканъ уклеинцевъ, просто молоканъ, сухихъ баптистовъ, баптистовъ и жидовствующихъ) здѣсь насчитывается около 2000 душъ. На публичныхъ бесѣдахъ здѣсь пытали свои силы и опыты такія личности, какъ аѳонскій іеромонахъ Арсеній, впоследствии синодальный миссіонеръ, Саратовскій епархіальный миссіонеръ Константинъ Ал. Голубевъ, Воронежскій епархіальный миссіонеръ Тихонъ Семеновичъ Рождественскій, и сектанты для защиты своихъ догмъ и убѣжденій не прибѣгали за помощью на сторонѣ, а находили въ своей мѣстности средѣ талантливыхъ знатковъ-ораторовъ и всякій разъ проявляли собой довольно внушительную силу. Въ прошломъ 1909 году, 18 мая, (на второй день Св. Троицы) здѣсь же, подъ председательствомъ Фетлера, въ баптистскомъ молитвенномъ зданіи былъ довольно многочисленный районный съѣздъ баптистовъ по дѣламъ своей пропаганды и другимъ вопросамъ своей окружной общины и тутъ же, въ тотъ же день, со-

вершенъ былъ публично обрядъ баптистскаго крещенія надъ 11 душами, въ числѣ коихъ, кромѣ молоканъ, были и православные изъ села Поворина.

Эта историко-описательная картинка, или справка, не можетъ не наводить на грустные размышленія. Серьезность опасности такихъ значительныхъ очаговъ сектантства, какъ село Пески, съ такими смѣлыми публичными дѣйствіями и демонстраціями для всякаго очевидна. Случайныя и рѣдкія посѣщенія епархіальныхъ миссіонеровъ оставляютъ чисто внѣшніе слѣды въ памяти населенія и сомнительно ожидать отъ такихъ налетныхъ часовыхъ миссіонерскихъ визитовъ какихъ-либо дѣловыхъ результатовъ.

Сектантство, какъ извѣстно, возникло, развилось и окрѣпло на почвѣ невѣжества, темноты и сплошной безграмотности народа. Думается, и возможность леченія этой народной болѣзни прежде всего слѣдовало бы искать въ самомъ народѣ, въ его силахъ и средствахъ, къ чему пробой могутъ быть миссіонерскіе курсы съ возможно частой постановкой и строго обдуманной организаціей ихъ, по половицѣ: клинъ клиномъ выбивается.

Съ большою радостію Песковцы встрѣтили вѣсть о миссіонерскихъ курсахъ. Въ предположеніи, что эти курсы будутъ осенью или ранней весной, охотниковъ заявилось очень много и безъ всякихъ субсидій. Когда же выяснилось назначеніе этихъ курсовъ на май мѣсяць, радость померкла и курсы состоявшіеся нельзя назвать удачными. Явились они поспѣшно, неотложнымъ выполненіемъ предписанія епархіальнаго Начальства, въ пору уже начавшихся полевыхъ и хозяйственныхъ работъ, когда крестьянину не до курсовъ, особенно послѣ только что пережитой трехлѣтней (1906, 1907 и 1908 г.г.) голодовки. Желательный подборъ курсистовъ сдѣлать было трудно и пришлось ограничиться охотниками, мало подготовленными или недостаточно способными

ми. Въ силу необходимости было принято много такихъ, которые уже прослушали курсы или въ Воронежѣ, или въ селѣ Карачанѣ. Всѣхъ курсистовъ, такимъ образомъ, набралось болѣе 40 человекъ. Изъ нихъ одни отказались отъ общей квартиры и помѣстились особняками, нѣкоторые (изъ Песковцевъ) записались приходящими, другіе по разнымъ обстоятельствамъ дѣлали отлучки, что все было въ ущербъ дѣлу, а нѣкоторые подъ разными предлогами совсѣмъ оставили занятія съ половины курсовъ. Занятія шли ежедневно до обѣда и послѣ обѣда. Время было очень знойное. Такова внѣшняя сторона дѣла.

Программа курсовъ была очень обширная и, какъ видно, не считалась съ краткимъ срокомъ, съ знойнымъ временемъ и съ слабой подготовкой курсистовъ и нагружена была такими подробностями, ощущеніе которыхъ было бы безъ ущерба для дѣла, а самая исторія Церкви Божіей, съ ея іерархіей, богослужебнымъ культомъ, символизмомъ и проч., входила какъ-то вскользь, частицами, попутно, нецѣльно. Непривычною записью уроковъ малограмотные курсисты утомлялись усиленно и плохо разбирались въ массѣ матеріаловъ, такъ что существенно необходимое, это едино на потребу, дано было поспѣшно, съ слабымъ укладомъ. Не легко было при такихъ условіяхъ работать и о. Граціанскому.

Первая бесѣда.

По благословенію Высокопреосвященнаго Анастасія, Архіепископа Воронежскаго и Задонскаго, въ программу миссіонерскихъ курсовъ съ перваго по послѣднее мая мѣсяца о. Граціанскому включено сдѣлать пять публичныхъ бесѣдъ съ сектантами тутъ же въ селѣ Пескахъ. Своевременно объ этихъ бесѣдахъ были разсланы повѣстки окружному духовенству съ его паствами и сектантамъ. Начет-

чики послѣднихъ охотно изъявили свое согласіе на участіе въ собесѣдованіяхъ и подробно договорились съ о. Граціанскимъ во всѣхъ условіяхъ. Предъ первой бесѣдой о. Граціанскій заявилъ духовенству о болѣзни своего горла и просилъ пригласить въ помощь ему кого-либо изъ миссіонеровъ сосѣднихъ епархій. Обратились телеграммой въ г. Тамбовъ къ М. И. Третьякову, но тотъ далъ условный отвѣтъ по случаю перемѣщенія. Думали обратиться къ Кунцевичу въ г. Новочеркасскъ, тутъ было тоже, онъ переводился въ г. Харьковъ. Кризисъ дѣла становился грознымъ и неустрашимымъ. Сектанты не могли не знать этого положенія. Такъ, при личномъ свиданіи, за разговоромъ, въ своей квартирѣ, о. Граціанскій, между прочимъ, спросилъ пресвитера псковскихъ баптистовъ крест. Василія Прокофьевича Степанова, кого они назначаютъ на собесѣдованіе съ своей стороны изъ своихъ ли псковцевъ или изъ пріѣзжихъ со стороны. Степановъ не безъ ироніи отвѣтилъ такъ: съ васъ достаточно и меня одного. Это было наканунѣ бесѣды, 13 мая. О. Граціанскій за болѣзнію горла снова и категорически высказался, что вести бесѣды не будетъ, если не будетъ вызванъ миссіонеръ на помощь. Въ г. Балашовѣ, Сар. губ., въ качествѣ уѣзднаго миссіонера въ это время успѣшно велъ бесѣды съ баптистами практикъ изъ начетчиковъ нѣкто Георгій Абрамовичъ Носковъ. Обратились съ телеграммой къ нему. Тотъ изъявилъ согласіе провести двѣ бесѣды, если на то будетъ испрошено разрѣшеніе Саратовскаго епископа Гермогена. На поданную въ этомъ смыслѣ телеграмму изъ Саратова въ полночь подъ 14 мая получился такой отвѣтъ: „весьма желаю, чтобы поѣхалъ бесѣдовать (съ) баптистами (въ) Пески Носковъ. Буду очень благодаренъ. Благословеніе. Помоги, Господи. Епископъ Гермогенъ“.

Съ утреннимъ поѣздомъ, 14 мая, Г. Носковъ прибылъ въ с. Пески, а въ два часа пополудни былъ уже въ Казань

скомъ храмѣ, цереполненномъ народомъ, и занялъ съ о. Граціанскимъ амвонъ. Для собесѣдниковъ же рядомъ съ амвономъ заранее приготовлена была вышка въ родѣ каеэдри, которую тутъ же занялъ В. Пр. Степановъ. Пѣвчіе съ народомъ пропѣли пасхальный тропарь: Христось воскресе, молитву Св. Духу „Царю небесный“ и молитву Господню: Отче нашъ. Въ пѣніи послѣдней принимали участіе и сектанты. На правахъ епархіальнаго миссіонера о. М. Граціанскій по программѣ и повѣсткѣ объявилъ публичную бесѣду о Св. Преданіи открытой. Въ своей вступительной рѣчи онъ подробно выяснилъ слушателямъ, что Православная Церковь разумѣетъ подъ именемъ Св. Преданія, и затѣмъ обстоятельно изложилъ весь матеріалъ на основаніи свидѣтельства Св. Писанія по принятому вопросу. Г. Носковъ сдѣлалъ нѣкоторыя пополненія къ рѣчи о. Граціанскаго и, выставивъ рядъ прекаемыхъ текстовъ, далъ на нихъ необходимыя разъясненія. Ораторами приблизительно высказано было слѣдующее.

Первоначально руководствомъ Церкви Божіей на землѣ было Откровеніе устное, уста къ устами, Бога къ человеку и было такъ отъ Адама до Моисея. Дошедшее путемъ устнаго преданія Моисей по волѣ Божіей записалъ, явилось, такимъ образомъ, Откровеніе писанное или Св. Писаніе. Появленіемъ своимъ писанное Откровеніе не упразднило устнаго, такъ какъ записано было не все и эти оба руководства, находясь между собой въ строгомъ согласіи, сдѣлались необходимыми поэтому для Церкви Божіей, которая опиралась на нихъ, какъ на свой фундаментъ, въ ветхомъ завѣтѣ и съ ними же явилась въ новый завѣтъ. Устно училъ І. Христось (Іоан. 18, 20), устно учили Св. Апостолы (Мрк. 16, 15). Послѣдніе, наученные отъ Самаго Основателя Церкви, учить, священнодѣйствовать и управлять, передали вѣрующимъ все это двумя способами: устно, преданіемъ и письменно, посланіемъ. Основанныя или

насажденные ими частныя церкви одинаково свято хранили и посланія Апостоловъ и устныя ихъ наученія, записавъ послѣднїя со временемъ въ своихъ церквахъ. Частнѣе, сказано было, что Св. преданіе сохраняется въ церкви (2 Тимоѳ. 2, 2; Тит. 1, 13—14), что оно нужно (2 Сол. 2, 15, 1 Кор. 11, 2), что оно пополнило собой Св. Писаніе (Іоан. 21, 25; дѣян. 20, 35; Іуд. 1, 9—14, 2 Тим. 3, 8), что оно сохранило благопристойность и чинъ богослуженія отъ апостоловъ (1 Тим. 2, 1—2; 1 Кор. 14, 40; Филип. 4, 9); и что оно необходимо для опредѣленія канона, времени написанія книгъ, и языка, что все раздѣляютъ и сами сектанты, что предостереженіе необходимо какъ въ преданіи (Мѳ. 15, 3, 6; 1 Тимоѳ. 4, 7; 2 Петр. 1, 16), такъ и въ писаніяхъ (2 Петр. 3, 16—17; 2 Тессал. 2, 2; Гал. 1, 8—9). На основаніи ясныхъ свидѣтельствъ Св. Писанія ученіе о Св. Преданіи Церковь возвела въ догматъ.

Въ отвѣтныхъ рѣчахъ пресвитеръ баптистовъ В. Пр. Степановъ высказалъ все то, что обыкновенно всегда по этому вопросу говорятъ сектанты. Именно: Св. Писаніе для рода человѣческаго есть единственный истинный источникъ для богопознанія и наставленія въ правилахъ вѣры и жизни и, слѣдуя ему, мы должны имѣть вѣру твердую, основательную, разумную, а не слѣпую (Іоан. 5, 31; 8, 13; Рим. 2, 3; 1, 28; Мѳ. 25, 15; 15, 10; Мрк. 13, 14; 7, 14; 1 Кор. 14, 20). Вѣрно свидѣтельство ап. св. Іоанна (21, 25), что не всѣ слова и дѣла Христа и апостоловъ записаны, но онъ же свидѣтельствуеть и такъ: „Сіе написано, дабы вы увѣровали, что Іисусъ есть Христосъ Сынъ Божій, и вѣруя имѣли жизнь во имя Его*, что для нашего спасенія вполне достаточно писаннаго Слова Божія, иначе это будетъ мудрствованіемъ сверхъ того, что написано (1 Кор. 4, 6). Если бы даже мы, или Ангель съ неба сталъ благовѣствовать вамъ не то, что мы благовѣствовали вамъ,

да будетъ анафема (Гал. 1, 8). Затѣмъ, подвергнувъ критикѣ приведенные миссіонерами доводы въ пользу Св. Преданія, Степановъ долго и пространно разъяснялъ, что Ап. Павелъ называетъ преданіемъ все то, что передалъ церквамъ словомъ, дѣломъ и примѣромъ, о чемъ онъ потомъ большую частью кратко свидѣтельствовалъ письменно, посланіемъ, съ опущеніемъ въ немъ того, что не составляло существеннаго и важнаго (1 Фессал. 2, 1, 11, 12; 4, 6; 2 Фессал. 2, 5). Это видно во многихъ посланіяхъ, особенно же къ Ап. Тимошею (1 Тим. 3, 15) и другимъ (1 Кор. 2, 1—2; 15, 1—8; 11 гл.). И такой источникъ, именуемый Св. Преданіемъ, какъ не согласный съ Св. Писаніемъ (напр., при крещеніи не по образцу каженита и проч., при причащеніи не по образцу Самаго Христа), за богооткровенный сектанты не принимаютъ, сомнѣваются въ его происхожденіи отъ апостоловъ, а ивъ словъ евангелиста Іоанна ясно (20 гл. 31 ст.), что нужно держаться Св. Писанія, даже одного Евангелія достаточно для спасенія. Принять Св. Преданіе значило бы намѣренно затмить чистый, ясный образъ святой истины и осложнить путь приближенія къ ней, при чемъ ораторъ указалъ при этомъ на борьбу Христа съ фарисеями и книжниками. Рѣчи Степанова блистали краснорѣчіемъ и знакомствомъ съ западной литературой по этому предмету.

Трактатъ о Св. Преданіи былъ видимо исчерпанъ съ обѣихъ сторонъ и слушатели съ нетерпѣніемъ ожидали ясныхъ итоговъ. На эту работу выступилъ П. Носковъ. Кратко охарактеризовавъ и освѣтивъ основные доводы сторонъ по вопросу, Носковъ далъ доказательства, что сектанты, несмотря на всѣ свои отрицательные доводы, не свободны отъ Св. Преданія, однаково съ нами понимая опредѣленія канона богодухновенныхъ книгъ, времени, когда написаны книги, и языка, на которомъ онѣ первоначально были написаны, раздѣленія на каноническія и не канони-

ческія, посланія же Ап. Варнавы (изъ котораго было прочтено нѣсколько мѣстъ), мужей апостольскихъ—Поликарпа, Климента и др. не признають, а завели свое человѣческое преданіе—баптистскую литературу (жур. баптистъ, христіанинъ и массу брошюръ), гдѣ съ характеромъ догмъ излагаются вѣро—и нравоучительныя истины, какъ; напр., трактатъ о водномъ крещеніи собесѣдника В. Пр. Степанова; отрицая храмы, строятъ для молитвы нарочитые молитвенные дорого стоящіе храмы, отрицая Св. иконы, украшаютъ свои храмы портретами своихъ главарей (что можно видѣть въ г. Балашовѣ), вмѣсто кажденія и свѣчей украшаютъ эти портреты богатыми рамами и живою зеленью, вмѣсто молитвеннаго обращенія къ иконамъ они въ лицѣ служащаго пресвитера обращаются во время богослуженія къ одному изъ портретовъ и произносятъ рѣчи, вмѣсто псалмовъ царя пр. Давида и твореній Іоанна Дамаскина и др. сектанты баптисты ввели въ богослужебный обиходъ фисъ-гармонію и гусли—сборникъ свѣтскихъ стихотвореній Пушкина, Некрасова, Державина, Ждановской, Никитина и др., не безупречныхъ по своей религіозной жизни. Есть также и обряды. Какъ это все назвать, какъ не преданіемъ человѣческимъ? Не самовольное ли и не самочинное ли служеніе баптистовъ Богу съ чуждымъ огнемъ? Рѣчь Носкова произвела глубокое впечатлѣніе на всѣхъ слушателей, и для Степанова была большою неожиданностію. Онъ тутъ же отвѣтилъ кратко, что они, сектанты баптисты, охотно читають вообще духовно-нравственную періодическую и не періодическую литературу (напр., профес. Соловьева, Григорія Спирид. Петрова и др.), читають такую же литературу и свою баптистскую, но за преданія ее не признають, и закончилъ рѣчь публичнымъ признаніемъ тѣхъ преданій, которыя не противорѣчатъ Св. Писанію и находятся въ полномъ согласіи съ нимъ. И Степановъ тутъ же со всей своей братіей

отказался слушать заключительную рѣчь и, нарушивъ договоръ и тишину, поспѣшно удалился изъ храма.

Въ послѣдней рѣчи о. Граціанскій живо резюмировалъ весь матеріалъ бесѣды, подвелъ желательный итогъ и подтвердилъ его публичнымъ признаніемъ В. Пр. Степанова. Было 8 часовъ вечера, когда бесѣда была объявлена оконченною и пѣвчіе съ народомъ пропѣли: Ангелъ вопіаше — благодатней.

Слушатели, расходясь, горячо и искренно благодарили Г. Носкова за его понятныя, дѣловыя и сильныя рѣчи и убѣдительно просили его помощи во всѣхъ объявленныхъ бесѣдахъ.

Священникъ *Михаилъ Осетровъ*.

(Продолженіе будетъ).

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Воронежское Общество Пчеловодства и Шелководства,
 устраиая 1--3 октября 1910 года въ г. Воронежѣ,
ВЪ ГОРОДСКОМЪ САДУ,

ВЫСТАВКУ ПО ПЧЕЛОВОДСТВУ,

совмѣстно съ выставкою по птицеводству, и губернской сѣздъ пчеловодовъ, просить г.г. пчеловодовъ и лицъ, имѣющихъ по своему служебному или общественному положенію или по своей профессіи отношеніе къ пчеловодству, принять участие въ устраиваемыхъ выставкѣ и сѣздѣ.

О времени и мѣстѣ засѣданій сѣзда будетъ объявлено особо.

ВОЗЗВАНІЕ

отъ Комитета для помощи пострадавшему отъ пожара населенію г. Могилева.

Возлюбленные чада, братья и сестры о Господѣ! Старинный градъ нашъ Могилевъ постигло великое бѣдствіе: огненной стихіей уничтожено около 1000 домовъ и около 10 тысячъ людей остались безъ крова, безъ пищи, безъ одежды, — лишились всего, что зарабатывалось многолѣтними трудами, потомъ и лишеніями. Нельзя ни выразить, ни описать ихъ горе, слезы, нужду и страданія. Сколько нужно терпѣнія и покорности Промыслу Божію, дабы перенести такое огненное искушеніе (2 Петр. 4, 12) и не впасть въ отчаяніе и ропотъ на Провидѣніе! Если для пострадавшихъ это огненное искушеніе является испытаніемъ ихъ вѣры въ промыслъ Божій, направляющій все — и самыя бѣдствія наши — къ благимъ для насъ цѣлямъ, испытаніемъ ихъ надежды на милосердіе Отца небеснаго, не попускающаго намъ искушаться сверхъ силъ, но подающаго при искушеніи и облегченіе (Кор. 10, 13) — то для насъ, оставшихся въ благополучіи, это необычайное бѣдствіе является испытаніемъ нашей любви къ ближнимъ нашимъ, заповѣданной намъ Христомъ Спасителемъ. Въ силу этой любви, которая одна только имѣетъ право на входъ въ вѣчное царство Отца небеснаго, мы обязаны творить добро всѣмъ человѣкамъ, даже и врагамъ нашимъ (Мѡ. 5, 43—6), наипаче же своимъ по вѣрѣ (Гал. 6, 11).

Множество ближнихъ нашихъ впало въ великое несчастіе. Среди нихъ множество братій нашихъ по вѣрѣ въ Господа нашего Иисуса Христа. Придемъ, сколько можемъ, всѣмъ имъ на помощь безъ различія вѣры и племени, но особенно простремъ объятія любви своей братьямъ нашимъ,

ожидающимъ отъ насъ исполненія завѣта Христова, ожидающимъ обнаруженія нашей братской любви. Будемъ помнить, что если мы затворимъ отъ братьевъ своихъ, находящихся теперь въ великой нуждѣ, сердце свое, то какъ будетъ пребывать въ насъ любовь Божія (1 Иоан. 3, 17—18)! Напротивъ, если мы не ослабѣемъ въ дѣланіи имъ добра, то въ свое время пожнемъ (Гал. 6, 9) отъ великихъ щедротъ Отца небеснаго какъ въ этой жизни, такъ наиболѣе въ жизни будущей, гдѣ дѣла милосердія избавятъ насъ отъ вѣчной смерти, покроютъ наши грѣхи (Тов. 12, 9) и дадутъ намъ услышать сладчайшій гласъ Спасителя нашего: Придите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вамъ отъ созданія міра (Мѣ. 25, 34).

Въ виду естественнаго, одобреннаго и Ап. Павломъ, желанія каждаго помочь не только вообще несчастнымъ, но изъ нихъ наибаче своимъ по вѣрѣ, образовавшійся подъ предсѣдательствомъ Начальника губерніи Комитетъ для сбора пожертвованій всѣмъ пестрадавшимъ, безъ различія вѣры, выдѣлилъ изъ себя два особыхъ Комитета: одинъ христіанскій—для сбора пожертвованій среди христіанъ на помощь братьямъ нашимъ по вѣрѣ—христіанамъ, другой еврейскій—для сбора пожертвованій среди евреевъ на помощь ихъ единовѣрцамъ.

Христіанскій Комитетъ надѣется, что христіане, одушевленные завѣтами Христа Спасителя, окажутъ должное соревнованіе съ нехристіанами и не посрамятъ своей вѣры, покажутъ, что въ нихъ жива любовь Христова къ своимъ по вѣрѣ братьямъ о Единомъ Спасителѣ нашемъ Господѣ Исусѣ Христѣ.

Предсѣдатель Христіанскаго Комитета, Стефанъ Епископъ Могилевскій и Мстиславскій.

ОБРАЗЦОВАЯ

художественно-живописная и иконостасная мастерская

ТОРГОВАГО ДОМА

И. Н. Гагаринъ и С. П. Сталогоровъ.

Москва, 1-я Мъщанская, домъ № 68. Телефонъ 258—79.

Всѣ художественно-живописныя церковныя работы, какъ-то: живопись иконъ и стѣнныхъ картинъ и орнаментъ исполняются лучшими мастерами художниками подъ личнымъ нашимъ наблюденіемъ.

Кромѣ живописи исполняются всевозможныя иконостасныя работы.

СПЕЦИАЛЬНОСТЬ. Изготовленіе иконостасовъ. Имитация подъ фаянсъ не требующая ремонта. Цѣны на всѣ работы вѣдъ всякой конкуренціи, въ чемъ покоряѣйше просимъ убѣдиться. При запросахъ на внутреннее расписаніе храмовъ, для детального осмотра работъ на мѣсто прибываемъ лично или высылаемъ своего довѣреннаго со всевозможными проектами и образцами.

Примѣчаніе. Гарантія и разсрочка платежа по соглашенію.

(4—6)

**ЗУБНОЙ
ВРАЧЪ С. И. КЛЯЧКО.**

Леченіе, пломбированіе зубовъ. Искусственные зубы.

Для г.г. духовныхъ и ихъ семействъ вполне доступныя условія.

Воронежъ, Большая Дворянская, д. Шуклина, № 36.

(2—52)

Зубной врачъ
А. И. ДОЛГОПОЛОВА

Лечение, пломбированіе фарфоромъ, золотомъ, серебромъ и пр.

Удаленіе зубовъ безъ боли.

Искусственные зубы на золотъ, каучукъ, штифтахъ и проч.

Пріемъ больныхъ ежедневно отъ 9—2 отъ 3—6 вечера.

Воронскъ, Средне Московская ул. домъ Смоленскаго Собора № 34

Духовнымъ скидка.

(1—52)

И. М. ВОЛЬФЪ

ЗУБНОЙ ВРАЧЪ

лечение, пломбированіе зубовъ золотомъ, фарфоромъ и т. п.

Искусственные зубы по новѣйшему способу, удаленіе зубовъ
безъ боли.

В.—Дворянская, д. Русакова противъ Дворянской части.

Пріемъ отъ 9 до 7 часовъ вечера.

Духовнымъ скидка.

(25—52)

СОДЕРЖАНІЕ НЕОФИЦИАЛЬНОЙ ЧАСТИ:

Бесѣда въ день памяти Угодника Божія Святителя Тихона
Задонскаго. — Священника *Стефана Пчелинцева*.

Культурное и нравственное значеніе дѣятельности выдаю-
щихся представителей славянофильской школы въ исто-
ріи русскаго общественнаго развитія. — *Ив. Козлова*.

Миссіонерскіе курсы и публичныя бесѣды съ сектантами въ
селѣ Пескахъ, Новохоперскаго уѣзда. — Священника
Михаила Осетрова.

Объявленія.

ВЪ

ЖУРНАЛѢ

— — —

Редакторъ, Ректоръ Семинаріи Прот. *Николай Околовичъ*.

